

дусов, надо думать, в некоторой степени и объясняется тем, что большое количество акций газеты принадлежало Русско-Французскому банку.

Эти эпизоды между прочим показывают, что оба участвовавшие в них афериста — Рубинштейн и Манасевич-Мануйлов служили двум богам: и французскому и германскому капиталу.

Рубинштейн скупал (в 1915 г.) акции «Нового Времени», по «работать» в Русско-Французском банке было едва ли очень прибыльно, так как акции этого банка почти в течение всей войны стояли на одной точке и не обнаруживали ни малейшей тенденции к повышению. Поэтому Рубинштейну, видно, ничего не оставалось, как заняться операциями с германским капиталом, что, в конце концов, и привело его к суду.

Что касается Манасевича, то его попытка подкупить «Новое Время» (до войны) по поручению германского посла Пурталеса говорит сама за себя. Но, в качестве агента Рубинштейна по «Новому Времени», Манасевич уже служит, повидимому, французскому капиталу, — однако, все другие его связи в годы войны говорят скорее за то, что он и в это время не отступал от той позиции, на которой стоял, когда вел переговоры с Пурталесом.

3.

Рассматривая ту банковскую среду, которая окружала Распутина, мы остановимся теперь на роли Мануса и возглавлявшейся им банковской и промышленной группы. Имя Мануса, еще при царизме, не раз фигурировало в печати в связи с именем Распутина; теперь их связь подтверждается различными, опубликованными после революции, данными.¹

Манус, по своему удельному весу, был крупнейшей фигурой в промышленно-банковском кругу: он был самым крупным акционером Международного Коммерческого банка,² состоял членом совета Сибирского Торгового банка, директором правления Петроградского Вагоностроительного завода, председателем правления Российского транспортного и страхового общества, и пр.

¹ «Переписка Н. и А. Романовых», «Мемуары Палеолога», «Падение царского режима», статья «Распутин в освещении охранки» («Красный Архив», том V) и др.

² Об этом см. в следующей главе.

Приступая к характеристике роли Мануса, мы, прежде всего, остановимся на одном сообщении, имеющемся в докладах Штюрмера Николаю II.

В конспекте своего доклада, сделанного Николаю 9 октября 1916 г., Штюрмер отмечает:

«Доложено, что заем на покрытие расходов на железнодорожное строительство, объявленный на сумму 350 миллионов, в три дня подписки, 27—29 сентября, достиг суммы свыше 1 миллиарда 400 миллионов, вследствие чего между подписчиками была произведена разверстка, и они получают лишь 23% подписанной ими суммы».¹

Итак, заем прошел вполне успешно, и русское железнодорожное строительство могло быть на некоторое время обеспеченным. Но нас интересует не этот собственно вопрос, а закулисная история проведения этого займа, которую мы и постараемся здесь вскрыть. Дело в том, что инициатива этого займа принадлежит как раз Манусу: он совместно с крупным другим «финансистом» А. И. Путиловым (состоявшим, между прочим, председателем правления Русско-Азиатского банка) сообщил мысль о желательности такого займа интимному другу четы Романовых — Н. П. Саблину. Последний, конечно, тоже был как-нибудь заинтересован в этом деле и передал о возникшем проекте А. Ф. Романовой. Она же сочла нужным сообщить об этом Николаю; 26 апреля 1916 г. она ему писала:

«В разговоре Н. П. (т.-е. Саблин) сказал мне об одной идее, которая предложена (вероятно, банкиром, но, по-моему, отличная мысль), чтобы немного попозже сделан был внутренний заем в один миллиард, чтобы построить железные дороги, в которых мы очень нуждаемся. Его бы почти сразу покрыли, так как купцы, которые теперь колоссально богаты, сейчас же дадут крупные суммы, так как они понимают, как это выгодно. Таким путем можно было бы найти работу для наших запасных, когда они вернутся с войны, так, чтобы они не вернулись бы сразу в деревню, где бы началось скоро недовольство, — и все должны постараться избежать историй и смут, изобретая способы занятия заблаговременно, а за деньги они будут рады работать. Пленные могут все начать. И таким образом можно было бы найти массу мест для раненых офицеров вдоль по линиям и на станциях и т. д.».

¹ «Монархия перед крушением».

А. Ф. спрашивает при этом Николая, не может ли она переговорить об этом со Штюмером, чтобы выработать план, как это сделать, а тот уже затем переговорит с министром финансов Барком.¹

Из дальнейших писем А. Ф. видно, что Штюмер, с которым она говорила об этом вопросе, нашел, что эта мысль «остроумна и как раз своевременна»; для приведения этой мысли в исполнение Штюмер (вероятно, и раньше знавший от Распутина об этом деле) обещал в тот же день прислать к А. Ф. министра финансов Барка.²

Вскоре после этого А. Ф. писала Николаю, чтобы он вызвал к себе Штюмера для переговоров относительно этого займа,³ и, очевидно, тогда же была им получена окончательная на это санкция.

Надо заметить, что тогда, когда А. Ф. возбуждала вопрос о займе (апрель 1916 г.), у правительства определенного плана железнодорожного строительства не было. Однако, через полтора месяца, благодаря исключительной (очевидно, вследствие нажима распутинцев) энергии министерства путей сообщения, этот план был разработан: 8-го июня 1916 г. министр путей сообщения А. Ф. Трепов уже докладывал Николаю, что образованное при министерстве путей сообщения особое междуправительственное совещание пришло к заключению, что надлежит соорудить в ближайшее пятилетие не менее 30 000 верст рельсовых путей, т.е. ежегодно строить до 6 000 верст, в том числе 4 000 верст средствами казны, а 2 000 верст — на частные средства.

10-го июня Трепов внес, как видно из его доклада Николаю, в Государственную Думу «законопроект о закреплении по смете чрезвычайных расходов министерства путей сообщения определенных кредитов на пятилетие на постройку новых железных дорог средствами казны», при чем к этому законопроекту была приложена и предварительная схема железных дорог, намеченных к сооружению в ближайшее пятилетие.

В докладе Трепова Николаю вместе с тем указывалось, что «особым совещанием» был подвергнут обсуждению ряд предварительных мер, принятие которых необходимо для осуществления намеченного железнодорожного строительства. В числе этих мер

¹ «Письма А. Ф.», т. II, стр. 84—85.

² Там же, стр. 91, письмо от 2 мая 1916 г.

³ Там же, стр. 94, письмо от 18 мая.

первое место занимает необходимость создания новых металлургических предприятий: «ежегодная потребность в металле для железных дорог, — пишет Трепов, — в связи с означенным планом должна возрасти с расходуемых ныне 70 до 170 миллионов пудов, в соответствии с чем общее производство металла в стране должно быть доведено до 500 миллионов пудов. Посему, и так как общая производительность ныне существующих заводов не превышает 300 миллионов пудов и, в то же время, не может быть увеличена более чем на 50 миллионов пудов, представляется настоятельно необходимым создать новые металлургические и металлообрабатывающие предприятия,¹ при чем, для возможного сокращения непроизводительных расходов на перевозку продуктов производства, новые заводы должны быть сооружены не только в Европейской России, но и в Азиатской».²

Дело, таким образом, шло блестяще, и в сентябре 1916 г. было объявлено о выпуске $4\frac{1}{2}\%$ железнодорожного займа, гарантированного правительством, на сумму 350 миллионов рублей; в этом принимало участие двенадцать железнодорожных обществ.³ Об этом Штюмер, как мы видели, докладывал Николаю 9 октября. И хотя намеченную Манусом и Путиловым сумму сократили до 350 миллионов, однако «купцы» (т.-е., прежде всего, те же Манус и Путилов, действовавшие от лица разных банков) покрыли заем на сумму свыше 1 миллиарда 400 миллионов (как это и предвидели инициаторы займа).

К истории этой операции надо еще добавить, что к ней имели отношение не только русские банки, но и американский банковский синдикат. В этот синдикат намечено было передать заложенные в русском Государственном банке частными банками облигации этого займа; взамен этого предполагалось получить американскую валюту, которая перешла бы правительству, частные же банки получили бы за эту операцию соответствующий процент. Для обсуждения этого вопроса, по инициативе Протопопова и под его председательством, было собрано особое совещание представителей частных банков. Переговоры по этому поводу с американским банковским синдикатом

¹ Подчеркнуто нами.

² Приведенные цитаты взяты из «Всеподданнейшего доклада министра путей сообщения», от 25 июля 1916 г. — «по вопросу о железнодорожном строительстве». Цитируется с подлинника.

³ «Вестник Финансов», 1916 г, № 401, от 2 октября.

от имени синдиката русских частных банков поручено было вести шведскому банкиру Ашбергу, очевидно, тому самому, который был посредником по устройству «стокгольмского свидания» Протопопова с Варбургом.¹

Таким образом, на рассказанной здесь истории мы видим технику проведения подобных предприятий. Правда, имя самого Распутина не упоминалось нами в этой истории, но прикосновенность его к этому делу несомненна, так как не только Манус, но и Саблин были своими людьми у Распутина. Из переписки Романовых, между прочим, видно, что по какой-то причине Саблин незадолго до этого несколько отошел от Распутина; но, когда заем был проведен, то Распутин засвидетельствовал А. Ф., что он Саблиным «доволен», так как «через страдания (!) он вполне вернулся к нему (Распутину) и к богу».²

Инициатором этого займа, так блестяще проведенного А. Ф. Романовой, был, как мы видели, кроме Мануса, также А. И. Путилов. Это был крупнейший промышленник и банковский делец: председатель правления Общества Путиловских заводов, председатель правления Русско-Азиатского банка, член «совета съездов металлообрабатывающей промышленности» и участник многих акционерных металлургических и нефтепромышленных предприятий. Путилов этими банковскими и промышленными связями был тесно соединен как с англо-французским,³ так и с германским капиталом. В этом последнем отношении особенно интересна связь Путиловских заводов с знаменитой германской фирмой Берты Крупп; до войны, в феврале 1914 г., наделал много шума и произвел тревогу во Франции инцидент с попыткой англо-германского синдиката овладеть большинством акций Путиловского завода.⁴

Манус и Путилов не случайно совместно выступили инициаторами этого займа: они совместно участвовали во многих акционерных предприятиях; в частности, отметим связь этих лиц по «Российскому транспортному и страховому обществу» — Манус здесь был председателем, а Путилов членом правления. Членом же правления был и подручный Мануса, влиятельный

¹ См. письменные показания Протопопова от 27 — 29 июля 1917 г.

² «Письма А. Ф.», т. II, стр. 171, письмо от 7 сентября 1916 г.

³ См. Ольб. «Иностранные капиталы в России», стр. 45, 49 и др.

⁴ См. М. П. Павлович. «Интернационал смерти и разрушения» (в «Собрании сочинений», т. V, стр. 81 — 82).

в придворном кругу аферист «шталмейстер высочайшего двора» Н. Ф. Бурдуков.¹

Но нам надо остановиться на Манусе, хотя бы уже потому, что в свое время его имя связывалось со всеми слухами о сепаратном мире. Об этом же говорится и в некоторых мемуарах; так, например, вот что пишет о Манусе французский посол Палеолог:

«Не думаю, чтобы среди тайных агентов, которых Германия держит в русском обществе, она имела более активных, более ловких, более влиятельных, чем банкир Манус. Добившись обычным путем разрешения жить в Петрограде, он приобрел в последние годы значительное состояние маклерством и спекуляцией. Деловое чутье внушило ему мысль о близости с самыми маховыми защитниками трона и алтаря. Так, он рабски пресмыкался перед старым князем Мещерским, знаменитым редактором «Гражданина». В то же время его скромная и находчивая щедрость спискала ему мало-по-малу расположение всей шайки Распутина.

«С начала войны, — пишет затем Палеолог, — он (Манус) ведет кампанию за скорое примирение с центральными державами. К нему очень прислушиваются в мире финансов, у него есть связи с большинством газет. Он находится в непрерывных сношениях с Стокгольмом... т.-е. с Берлином».

Далее Палеолог высказывает свое подозрение, что Манус «является главным распорядителем германских субсидий в России». У него, по словам Палеолога, еженедельно обедает Распутин; сюда же приглашаются адмирал Нилев (приятель Николая II и его собутыльник), Белецкий, поддерживающий постоянное сношение через Вырубову с Александрой Федоровной, и другие влиятельные лица. «Распутин, — говорит Палеолог, — скоро пьянеет и болтает без удержу. Я не сомневаюсь, что подробный отчет об этих оргиях отправляется на следующий день в Берлин, подкрепленный комментариями и точными подробностями».²

Так говорит Палеолог. Конечно, сообщения этого лица очень часто бывают далеки от достоверности; с тем большей осторожностью нужно отнестись к его словам в данном случае, когда речь идет о шпионаже, в котором в то время подозревали людей без всякого повода.

¹ «Весь Петроград» 1916 г.

² «Царская Россия накануне революции», стр. 222.

Оставляя в стороне этот последний вопрос, мы отметим только, что Манус, действительно, участвовал в финансовых предприятиях, действовавших при «участии» германского капитала.

Это видно уже из того, что Международный Коммерческий банк, крупнейшим акционером которого Манус был, не только «работал» при участии немецкого капитала, но был в сущности «обществом-дочерью» берлинского «Учетного Общества» («Disconto Gesellschaft»); что касается Сибирского Торгового банка, где Манус состоял членом совета, то этот банк находился в «первой степени зависимости» от «Немецкого Банка» (Deutsche Bank).¹

При этих условиях, личность Мануса приобретает некоторый интерес, не столько, впрочем, личность, но как связанный с нею вопрос об установлении тех вероятных путей, при посредстве которых намечались связи между романовским тронem и германским капиталом.

Нелишенные интереса сведения о Манусе сообщены были министром внутренних дел А. Н. Хвостовым в его показаниях, данных в Следственной комиссии Временного правительства, и так как в данном случае в этих показаниях мы видим признаки достоверности, то мы приведем здесь некоторые из них данные.

Подобно тому как и Палеолог, Хвостов также сообщает, что Манус участвовал раньше в кружке кн. Мещерского, при чем «Гражданин» последнего отчасти даже и издавался на деньги Мануса; кроме того, последний, как говорят, иногда писал в нем под псевдонимом «Зеленый». Хвостов показывает, что в его руки попадали иногда перлюстрированные телеграммы за подписью «Зеленый», адресованные Вырубовой, — последняя же передавала их во дворец. Хвостов выяснил также, что «Зеленый» (т.-е. Манус) имеет близкие отношения к Бурдукову: Манус помогает последнему и держит на большом жалованьи, чтобы посылать для проведения разных дел, тогда как сам Манус, как коммерческий человек, предпочитает оставаться в тени.

Таким образом, сам Манус не имел, видимо, личного общения с Романовыми. Но его имя встречается несколько раз в их переписке. Эти упоминания недостаточно определены, но, во всяком случае, видно, что фигура Мануса была в сфере внимания Романовых. Так, 18 декабря 1915 г. А. Ф. писала Николаю:

¹ Подробнее говорится об этом в следующей, 4-й главе.

«Манус и не думал умирать. Это все была просто биржевая игра, чтобы поднять и уронить бумаги».¹ Отметим также, что, при посредстве Распутина, Манусу был дан чин действительного статского советника.²

Надо сказать также о Бурдукове. Этот аферист выдвинулся на придворную арену исключительно потому, что он был одним из любимых «сожителей» издателя «Гражданина» кн. Мещерского. Интимных отношений к последнему было достаточно для того, чтобы Бурдуков (бывший армейский офицер) получил генеральский чин, придворное звание и был назначен членом тарифного комитета министерства финансов. Вследствие разных фиктивных должностей и командировок, Бурдуков нажил довольно большие средства. Это (а также полученное от Мещерского наследство) дало ему возможность пуститься в разные коммерческие предприятия, а «близость» к Мещерскому обеспечила сотрудничество с Манусом, который также, как указывалось, примыкал к кружку издателя «Гражданина».³

Эти связи дали, между прочим, возможность Бурдукову возбудить в 1914 г., незадолго до войны, в министерстве финансов ходатайство о предоставлении ему грандиозной концессии на ипотечные банки в Польше. Осуществлению этого плана помешал, однако, другой придворный аферист, князь Андроников, который, естественно, не мог допустить, чтобы такое крупнейшее дело досталось его сопернику, и потому, под предлогом «защиты прав» поляков, настоял через Горемыкина на отклонении этого проекта.⁴

Бурдуков находился в близких отношениях также с Протопоповым и даже официально состоял при министре внутренних дел, «помогая», в некоторых отношениях, Протопопову в его управлении министерством: так, когда Протопопов вступал в должность министра, то речь, произнесенная им по этому случаю перед чинами министерства, была написана Бурдуковым.⁵

¹ «Переписка», т. III, стр. 498.

² На основании этого просил пожалования того же чина и Рубинштейн, предлагавший за это 500 тысяч рублей (см. письмо А. Ф. к Николаю от 10 сентября — «Переписка», т. III, стр. 332).

³ Надо заметить, что из кружка кн. Мещерского вышли и два других видных «деятели» последнего периода монархии — Маклаков и Манасевич-Мануйлов (об отношениях последнего к кн. Мещерскому см. «Воспоминания» Витте, т. II, стр. 479).

⁴ «Падение царского режима», т. II, стр. 16 — показания Андроникова.

⁵ Там же, стр. 318 — показания Протопопова.

Одновременно с этим на Бурдукове лежала обязанность передавать Протопопову взятки от Мануса. Так, например, Протопопов получил от него, при посредстве Бурдукова, 50 тысяч на покупку какой-то муки будто бы для «лавки общества борьбы с дороговизной».¹

В переписке Романовых за 1914 — 1916 гг. мы не встречаем имени Бурдукова, — очевидно, если у него в это время сношения с ними были, то они шли косвенными путями (как сообщает Хвостов). Но в 1917 г., перед самой революцией, имя Бурдукова появляется в письмах А. Ф. Об этом мы скажем ниже.

К этой же компании принадлежало, по своим финансовым связям, и еще одно лицо, которое также следует упомянуть; это — И. И. Кольшко, чиновник особых поручений министерства финансов, журналист, промышленный и банковский делец; в этой последней области он фигурировал, как член совета «Общества Брянского завода», как директор правления общества Тавризской железной дороги, кандидат в директора товарищества Петроградского вагоностроительного завода и проч.² Как раз через эту последнюю «должность» Кольшко связывается с Манусом, так как последний был здесь директором правления.

Принимая участие в этих предприятиях, Кольшко во время войны неоднократно сдиз в Стокгольм и Копенгаген, «имея поручения от металлургического треста»³ насчет покупки стали и т. п.; имеются также сведения, что Кольшко сыграл «не последнюю роль» в подготовке свидания Протопопова с Варбургом.⁴

Точно так же принимал Кольшко участие и в организации протопоповской газеты «Русская Воля». Однако, когда «Русская Воля» организовалась, Кольшко «в газету не пустили», так как «к этому времени определилось нечто такое, что делало его (Кольшко) работу в печати уже невозможной». Позднее, после революции, в мае 1917 г. Кольшко был арестован, при чем ему было предъявлено обвинение в шпионаже.⁵ Однако, в 1918 г. Кольшко, оказавшись на Украине, во время оккупации ее немцами, вновь выступил в качестве журналиста, редактируя в Киеве

¹ «Падение царского режима», т. I, стр. 177 — 179.

² «Весь Петроград» 1916 г.

³ Подчеркнуто нами.

⁴ «День», 26 мая 1917 г., № 68.

⁵ В связи с этим был произведен обыск и у Мануса — «День», 25 и 27 мая 1917 г., №№ 67 и 69.

газету «Новости Дня», стоявшую на позиции самой усердной поддержки германских империалистов.

Вместе с тем можно отметить, что, подобно Бурдукову и Манасевичу-Мануйлову, Кольшко сделал себе карьеру благодаря «близости» к кн. Мещерскому; об отношениях к последнему Кольшко, а равно и Бурдукова, говорит в своих воспоминаниях гр. Витте, но в печатном тексте наиболее характерные черты этих «отношений» заменены точками.¹

Из приведенных нами данных видно, что Кольшко принадлежал к той же промышленно-банковской группе, что и Манус, Путилов, Протопопов и пр. Этим объясняется и участие Кольшко в подготовке «стокгольмского свидания» и в организации «Русской Воли».

Все приведенные нами данные соединяют несколько имен: Манус, Протопопов, Кольшко, Бурдуков. Главой среди них, по своему финансовому удельному весу, был, несомненно, Манус. От всех лиц из этой компании протягиваются некоторые нити к германскому капиталу, и это дает возможность думать, что в рассказе Палеолога о роли Мануса есть известная доля истины: если он и не был осведомителем Германии о военных и политических планах Романовых (о которых он, конечно, хорошо знал от Распутина), то он, как представитель стремившейся к сепаратному миру германской буржуазии, мог во всяком случае через того же Распутина действовать в этом отношении на Романовых.

В связи с этим, в заключение этой главы, мы укажем на то таинственное общение, которое, перед самой революцией, происходило у этой финансовой группы с представителями так называемых «правых».

24 февраля 1917 г. А. Ф., в письме своем к Николаю, сообщила ему про их общего приятеля, уже известного нам, Саблина:

«Он обедает сегодня с Маклаковым, Калипиным, Римским-Корсаковым и др. у Бурдукова».²

Это был, конечно, не столько «обед», сколько политическое совещание; на нем у подручного Мануса, Бурдукова, заседали: министр внутренних дел и председатель металлургического син-

¹ Гр. С. Ю. Витте. «Воспоминания», т. II, стр. 466 — 467, 471. Кольшко и писал в «Гражданине» Мещерского — под псевдонимом «Серенький» (Манус был здесь «Зеленым»).

² «Семейная переписка Романовых» — «Красный Архив», том VI, стр. 207.

двуката Протопопов («Калинин»), Маклаков, который в эти дни, по поручению Николая, должен был «спасать Россию» от «внутреннего врага»,¹ один из главарей «союза русского народа» Римский-Корсаков, «личный друг» Николая — Саблин и др., в общем, всё последние защитники «престола и отечества».

Видимо, на этом «обеде», который был, наверное, важнее многих заседаний «совета министров», были приняты какие-то серьезные решения; по крайней мере, через два дня после этого, Бурдуков стал настаивать на необходимости его личного свидания с А. Ф. Романовой. Об этом 26 февраля она писала Николаю:

«Бурдуков настаивает на том, чтобы повидать меня сегодня, а я так надеялась никого не видеть».²

Нам, конечно, неизвестно, что сообщил представитель Мануса 26 февраля императрице; мы хотим только отметить, что, по всей вероятности, именно в этом кружке — Протопопов, Маклаков, Манус, Бурдуков и К^о — намечались последние решения о сепаратном мире.³

4.

Перейдем теперь к центру — к «совету съездов металлообрабатывающей промышленности» и к связанным с ним банкам.

Как известно, отдельные отрасли русской металлообрабатывающей промышленности были объединены в синдикаты и тресты, как-то: знаменитая «Продамета», «Продаруд», «Продвагон», «Проволока» и проч. «Совет съездов металлообрабатывающей промышленности» стоял, конечно, в теснейшей связи со всеми подобными синдикатами; он представлял собою нечто в роде главного, верховного синдиката в этой области, имевшего целью влиять на правительственную политику согласно экономическим интересам руководящей группы промышленников — металлургов. Для облегчения этой задачи «совет съездов» и выдвинул в министры Протопопова, как своего человека; технически это назначение провел Распутин,⁴ — и из этого мы лишний раз

¹ См. выше, стр. 66 — 67.

² «Красный Архив», том VI, стр. 212.

³ Мы хотим связать эти «совещания» с тем предположением сепаратного мира, о котором говорит Чернин (см. здесь, стр. 60 — 61 и след.). Вторичное обращение к Чернину (отклик на его ответ) последовало как раз 24 февраля (ст. ст.) 1917 г.

⁴ См. здесь, стр. 46 — 47.

видим, что, как в этом случае, так и во многих других, он был только агентом определенной промышленно-банковской группы.

Самый «совет съездов», как постоянный орган, организован после съезда представителей металлообрабатывающей промышленности, состоявшегося в Петрограде 29 февраля 1916 г. Судить о действительных целях этого съезда трудно, так как в печати проскользнуло известие только о его парадном, декоративном заседании; но дело было, конечно, не в нем, а в той закулисной стороне, которая, как и всегда в таких случаях, была скрыта от посторонних глаз.¹

Тем не менее и из того, что стало известным, некоторые данные представляются интересными. Так, заслуживает внимания опубликованный тогда состав избранного на съезде «совета».

В состав совета входили:

А. Д. Протопопов, избранный председателем совета (в то время Протопопов министром еще не был), состоял товарищем председателя Гос. Думы.

А. И. Вышнеградский — директор Петроградского Международного банка и крупный акционер ряда виднейших металлургических предприятий.

А. И. Путилов — председатель правления Русско-Азиатского банка, председатель правления Общества Путиловских заводов и участник многих других предприятий.

А. П. Мещерский — член совета Петроградского Международного банка, директор О-ва Коломенских машиностроительных заводов, директор-распорядитель акционерного Об-ва «Сормово» и др.

Н. Е. Панафидин — член совета Петроградского Международного банка, директор-распорядитель О-ва Тульских меднопрокатных заводов, директор правления О-ва Путиловских заводов и Соединенных кабельных заводов и проч.

¹ Официальная часть съезда заключалась в обсуждении докладов, из которых первый говорил о необходимости постоянных съездов представителей металлообрабатывающей промышленности. Затем съезд обсуждал «рабочий вопрос», при чем единогласно постановил «стремиться внести справедливость (!) в отношения между предпринимателями и рабочими». После этого съезд, выслушав соответствующий доклад о преимуществах частной промышленности перед казенной, вынес резолюцию, в которой было подчеркнуто, «насколько может погубить энергию частной промышленности нынешняя тенденция сосредоточивать выполнение заказов на оборону в руках казны»; в связи с этим съезд настаивал на необходимости прежнего участия частной промышленности в деле обороны. В заключение съезд вынес протест против только-что состоявшегося секвестра военным ведомством Путиловского завода («Речь» 1916 г., № от 2 марта).

Уже из отмеченных нами «должностей» этих лиц видно, что из пяти членов «совета съездов» трое принадлежало к составу Петроградского Международного Коммерческого банка; Путилов был председателем правления Русско-Азиатского банка; Протопопов же вошел в эту среду, главным образом, несомненно, как нужный человек — товарищ председателя Гос. Думы, — которого эти банковские заправилы рассчитывали держать в своих руках. Таким образом, уже по составу «совета съездов» видна крупнейшая роль банков, и в частности Международного, в русской металлургической промышленности.

Руководящая роль банков в русской металлургической промышленности, впрочем, достаточно уже известна. Важно только точнее определить ту банковскую группу, которая была больше всего заинтересована в русской металлургической промышленности. На это, как отмечено, указывает уже и состав «совета съездов»; главнейшая роль в этой промышленности именно Международного Коммерческого банка подтверждается и разными другими данными. Так, если мы рассмотрим состав акционеров тех промышленных предприятий, которые приняли участие в организованной Протопоповым, по заданию съезда металлургов, газете «Русская Воля», то увидим, что и здесь среди акционеров первое место занимает как Международный банк в целом, так его директора и другие, с ним близко связанные, лица.¹

Роль Международного Коммерческого банка в различных отраслях русской промышленности, и, в частности, в промышленности металлургической, видна также из данных, приводимых Г. Цыперовичем в его работе «Синдикаты и тресты в России». Говоря о том, как банки захватывают в свои руки различные области производства, Г. Цыперович, между прочим, такими примерами подтверждает существование этого процесса:

«В виде примера укажем на деятельность пяти важнейших петроградских банков, более всех других заинтересованных в важнейших основных отраслях нашей промышленности: Международного, Русско-Азиатского, Азовско-Донского, Учетного и Ссудного и Русского Торгово-Промышленного. Первое место среди этих левиафанов нашего финансового капитала занимает Международный банк. По данным П. Елецкого он заинтересован в следующих промышленных предприятиях: Петроградские товарные склады (акционерный капитал 4,0 милл. руб.), Восточное Общество товарных складов (7,7), Российское Общество транспортирования и страхования (4,2), Страхование Общество «Россия» (5,0), Нефтяное Общество Манташева (20,0), Нефтяное Общество Нобель (30,0), «Ассерин»,

¹ Сведения об акционерах, равно как и другие подробности об этой газете, тесно связанной с «советом съездов», даны в приложениях.

Общество добывания цемента (5,0), Ленское золотопромышленное (16,5). Всеобщая Компания Электричества (12,0), Донецко-Юрьевское Металлургическое О-во (31,1), Вагоностроительный завод «Феникс» (6,0), Коломенский машиностроительный (15,0), Русское О-во артиллерийских заводов (25,0), Механические заводы Бромлей (2,2), Машиностроительный завод Гартман (9,0), Русское паровозо-строительное и механическое Об-во (7,8), Сормовские заводы (10,0), Брянский рельсопрокатный (30,2), Никополь-Мариупольское горное и металлургическое Об-во (13,2), Мальцевские заводы (12,0), Тульский патронный (9,0), Тушетухановские рудники (3,0). Итого 22 предприятия с капиталом в 272,9 милл. рублей. Этим, однако, сфера влияния Международного банка не ограничивалась. Кроме акций двух других крупных петроградских банков, — Русского для внешней торговли и Азовско-Донского, — в его руках находились также и акции пяти важнейших частных железных дорог: Владикавказской, Северно-Донедкой, Юго-Восточной, Московско-Виндаво-Рыбинской и Первого Общества подъездных жел. дорог.

В общем «заинтересованность» Международного банка во всех перечисленных выше предприятиях достигала приблизительно полумиллиарда.

Что касается остальных четырех банков, то и они были заинтересованы в целом ряде разнообразнейших предприятий, при чем Русско-Азиатский банк влияет на предприятия с акционерным капиталом в 204 милл., Азовско-Донской — 138 милл., Учетный и Ссудный — 133 милл. и Русский Торгово-Промышленный — 60 милл.

В общем только эти пять банков по самому скромному расчету влияли на промышленный капитал в 700 милл. руб. и таким образом прямо или косвенно контролировали важнейшие отрасли промышленности, постепенно подготавливая господство банковского капитала в русской хозяйственной жизни».¹

Все эти данные ясно показывают ту зависимость, в какой металлургическая промышленность, а следовательно, и руководящий ее орган — «совет съездов» находились от банков, при чем игравший среди них первую роль Международный Коммерческий банк значительно превосходил в этом отношении каждый из других банков.

Отметим, что в числе перечисленных здесь предприятий значительное место занимают как раз те, которые финансировали протопоповскую газету «Русская Воля».²

Но банки также были объединены: у них существовал свой «совет съездов», подобно «совету металлургистов». Фактически подобный объединяющий банковский орган функционировал уже с самого начала войны, сперва в форме «совещания», состоявшего под председательством Я. И. Утина, председателя правления Петроградского Учетного и Ссудного банка. Позднее это «совещание» было расширено «с приданием ему, — по словам директора

¹ Г. Цыперович. «Синдикаты и тресты в России». П., 1920 г., стр. 103 — 104.

² См. приложения.

Международного банка Вышнеградского, — той формы профессиональной объединенности, к которой прибегают и другие отрасли труда и промышленности»; в связи с этим было намечено создание периодических съездов акционерных коммерческих банков.¹

Несколько времени спустя после металлургического съезда состоялся и «всероссийский банковский съезд» (8 июня 1916 г.), когда, очевидно, был создан и постоянный «совет».

Вышнеградский в цитированной статье сгруппированной наивностью сопоставляет органы объединения промышленности с объединениями труда, — рассматриваемых нами вопросов касается только первый род объединений, которые называются синдикатами, или трестами. Из приведенных сообщений видно, что, сперва неофициально, а потом в более определенной форме «совета», синдикат банков существовал уже с самого начала войны.

Несколько, может-быть, отвлекаясь от темы, мы хотим теперь отметить, какова была в 1916 г. (в июне) «мощь» всех русских акционерных коммерческих банков: согласно сообщенным на съезде данным, капиталы всех этих банков приближались в это время к миллиарду рублей; вклады составляли около 4 миллиардов, учетная операция достигала 2-х миллиардов, а ссудная — немногим менее этой суммы. Количество отделений этих банков достигало в это время 832.²

Какой смысл имел этот процесс объединения банков — об этом мы скажем словами Г. Цыперовича, который, однако, о синдикате банков говорит только как о проекте, находившемся близко к осуществлению в конце 1917 года.

«Само собой разумеется, — говорит Цыперович, — что осуществление этого проекта дало бы новый сильнейший толчок к синдицированию и трестированию в области производства и приблизило бы тот момент, к которому так страстно стремится объединенный капитал и который означает основательное завершение процесса синдицирования и трестирования в форме законченного вытеснения конкуренции частнохозяйственной монополией под руководством и контролем объединенных банков».³

Здесь хотелось бы сказать о значении всего этого процесса по связи с назревавшей социалистической революцией; но мы уже и так отклонились от нашей основной задачи:

¹ Статья А. И. Вышнеградского в «Финансовой Газете» 1916 г. № 232, от 9 (22 июня) — «Основные задачи съезда (банков)».

² «Финансовая Газета», 1916 г., № 232.

³ Г. Цыперович. «Синдикаты и тресты», стр. 106.

По ходу нашей темы нам предстоит теперь перейти к вопросу об отношении к русским банкам иностранного и, в частности, германского капитала.

Для этого мы, прежде всего, упомянем о тех указаниях, которые даны в работе В. И. Ленина «Империализм, как новейший этап капитализма». В. И. Ленин пользовался для этого брошюрой некоего Агада, близко знакомого с интимной стороной деятельности русских банков.¹

В. И. Ленин указывает, что из четырех почти миллиардов, составляющих «работающий» капитал крупных русских банков, свыше $\frac{3}{4}$, более 3 миллиардов, приходится на долю тех из них, которые представляют собою, в сущности, «обществодочери» заграничных банков, и в первую голову—парижских и берлинских. «Два крупнейших русских банка,—отмечает В. И. Ленин,—«Русский» («Русский банк для внешней торговли») и «Международный» («Петрогр. Международный Торговый банк») повысили свои капиталы с 1906 по 1912 г. с 44 до 98 милл. рублей, а резервы — с 15 до 39 милл. рублей, «работая на $\frac{3}{4}$ немецкими капиталами».² Первый банк принадлежит к «концерну» берлинского «Немецкого» банка, второй — берлинского «Учетного общества».

Приведя эти данные из книги Агада, В. И. Ленин отмечает, насколько неосновательно возмущается последний тем, что «русские акционеры бессильны» вследствие того, что берлинские банки имеют в своих руках большинство акций. «Разумеется, страна, вывозящая капитал, снимает сливки», — говорит Ленин, и приводит пример относительно этого из практики Сибирского Торгового банка, который — как отмечено в другом месте цитируемой книги — находился в «первой степени зависимости» от группы «Немецкого» банка.³

Уже после появления в печати этой книги В. И. Ленина были опубликованы некоторые другие работы, в которых приводятся различные данные об участии иностранного и, в частности, немецкого капитала в русской промышленности. В этом отношении особенно выдается вышущенный Институтом Экономиче-

¹ E. A g a h d. «Grossbanken und Weltmarkt. Die wirtschaftliche und politische Bedeutung der Grossbanken im Weltmarkt unter Berücksichtigung ihres Einflusses auf Russlands Volkswirtschaft und die Deutsche - Russischen Beziehungen». Brl. 1914.

² Подчеркнуто нами.

³ Ленин. «Империализм, как новейший этап капитализма». Госуд. Изд. М. 1925 г., изд. 3-е, стр. 39 — 40 и 21.

ских Исследований (при Народн. Комиссариате Финансов) труд П. В. Оля «Иностранные капиталы в России».

Приведем, согласно этой книге, данные относительно участия в русских кредитных учреждениях иностранных капиталов.

Общее количество вложенного сюда иностранного капитала Оля определяет так (в миллионах рублей):

Французские капиталы	113 300
Германские » 	84 700
Английские » 	25 700
Голландские » 	9 500
Бельгийские » 	2 500
Австрийские » 	1 500

Таким образом, общая сумма иностранного капитала в русских банках определяется в 237 200 000 рублей.¹

Оставляя в стороне три последние категории иностранного капитала, мы приведем теперь цифры, характеризующие распределение «участия» французского, германского и английского капитала по отдельным русским банкам (кроме Польши и Прибалтийского края); это «участие» выражается в такой форме (указываем о количестве миллионов рублей, отбрасывая сотни тысяч):²

	Общая сумма ак- ционер. капитала.	Француз- ский ка- питал.	Герман- ский ка- питал.	Англий- ский ка- питал.
СПБ. Международный банк	60	1	20	—
Азовско - Донской »	60	10	8	2
Русско - Азиатский »	55	36	2	4
Сибирский Торговый »	20	4	4	—
СПБ. Частный Коммерч. »	40	22	—	—
Русский Торгово - Про- мышленный »	35	4	1	10
Русско - Французский »	18	4	—	—
Русский для внешней торговли »	60	—	24	—
СПБ. Учетно - Ссудный »	30	—	4	—
Русско - Английский »	10	—	—	8
Соединенный »	40	18	1	—
Московский Частный Коммерческий »	12	7	—	—
Ростовский на/Д. Купеч. »	5	2	—	—

¹ П. В. Оля. «Иностранные капиталы в России». П. 1922 г., стр. 292.

² Мы сообщаем здесь сводку данных, приводимых Олем (стр. 29—30, 64, 78).

Мы видим, таким образом, что, согласно этим данным, доля участия немецкого капитала выходит значительно меньше, чем это было указано у Агада; но надо, однако, принять во внимание, что П. В. Олем, повидимому, не могло быть вскрыто то, замаскированное под разными формами, «участие», которое было известно непосредственно прикосновенным к этим банкам лицам, в том числе и упомянутому Агаду.

Нас более всего интересует один из этих банков — Международный, потому что, как было показано, все нити от распутинской группы протягиваются, прежде всего, к нему.

Как можно было видеть из приведенных выше данных, Международный банк вместе с Русским банком для внешней торговли составляли ту пару русских банков, которая была наиболее тесно связана с германским капиталом. Но Русский банк для внешней торговли для нас менее интересен, так как к руководящему центру он близкого отношения не имел. С тем большим вниманием нам надо остановиться на Международном банке. Поэтому нам нелишне обратить внимание и на состав его акционеров.

Прежде всего, укажем относительно этого довоенные данные 1913 г. На состоявшемся 7 марта этого года общем собрании акционеров этого банка было представлено 90 093 акции, с правами на 660 голосов; приняло участие 114 акционеров с 83 683 акц., имевшими право на 590 голосов.

Наибольшее количество акций значились за следующими лицами:

Э. Ландсгоф	12 691 акц.	Hardy & Co	1 000 акц.
И. П. Манус	11 225 »	СПБ. Учетно-Ссуд-	
Н. Н. Клименко . .	3 000 »	ный банк	1 000 »
Disconto Gesellschaft.	2 559 »	П. Я. Хесин	1 000 »
СПБ. Частный Ком-		Н. Н. Гартонг	968 »
мерч. банк	2 000 »	Л. И. Бродский . . .	864 »
Русско-Азиат. банк.	1 934 »	С. Г. Поляк	753 »
С. П. Патрикеев . .	1 905 »	А. И. Вышнеградский	750 »
СПБ. Торгов. банк.	1 554 »	С. С. Хрулев	750 »
С. Гренцелер . . .	1 450 »	Е. Г. Шайкевич . . .	450 » ¹

Затем отметим состав крупнейших акционеров за 1915 г. На общее собрание 24 марта было представлено 182 акционерами 74 912 акций, с правом на 484 голоса; в собрании приняли участие акционеры, располагавшие 422 гол. Наибольшее количество акций представили:

И. П. Манус	5 257 акц.	Сибирск. Торг. банк.	2 700 акц.
Н. Н. Клименко . .	5 000 »	Д. Б. Вургафт . . .	2 000 »
П. И. Балинский . .	4 000 »	Д. К. Золин	2 000 »
гр. Н. П. Ферзен .	3 906 »	Н. В. Ардыбушев .	2 000 »
М. А. Гинсбург . .	3 807 »	М. А. Маргулис . . .	2 000 » ²

¹ См. «Торгово-Промышленная Газета», 1913 г., 8 марта.

² Там же, 1915 г., 25 марта.

Наконец, приводим сведения, относящиеся к кануну революции — январю 1917 г.

7 января этого года состоялось вторичное «чрезвычайное собрание» акционеров, для обсуждения предложения правления об увеличении основного капитала на 15 миллионов рублей нарицательных путем выпуска 60 000 новых акций в 250 р. нариц. каждая. Этот проект был собранием утвержден единогласно. В собрании приняло участие 56 акционеров, представивших 33 066 акций, с правом на 197 голосов. Наибольшее количество акций представили:

И. П. Манус	13 580 акц.	П. Я. Хесин	1 250 акц.
Азовско - Донской		А.И.Вышнеградский	1 100 »
банк	4 000 »	Наследники С. П.	
гр. Н. П. Ферзен	3 125 »	Патрикеева	1 100 »
Н. Н. Клименко	2 000 »	Я. П. Савич	1 100 »
С. С. Хрулев	1 300 »	Н. Г. Хрулева	600 »
Е. Г. Шайкевич	1 300 »	Банк. д. М. Нелькен.	500 »
Л. И. Бродский	1 283 »	Д. Б. Вургафт	400 » ¹

Все эти списки выясняют нам, даже персонально, ту группу, которая была руководящей в рассматриваемой нами сфере.

Но посмотрим на довоенный состав акционеров 1913 г.: во главе всех их стоят крупнейший собственник акций Э. Ландсгоф и И. П. Манус (первому принадлежит 12 691 акц., второму — 11 225); о Манусе мы уже говорили много, что касается Э. Л. Ландсгофа, то это — русский тайный советник и, вместе с тем, казначей спб. общества германских подданных для оказания помощи нуждающимся соотечественникам; вместе с тем он был директором правления акционерного общества новороссийского завода «Цепь», общества Гербы-Келецкой жел. дороги и проч.²

Русско-германский характер Международного банка виден также и из состава «дирекции» банка. Вот этот состав директоров в 1913 г.: А. И. Вышнеградский, Е. Г. Шайкевич, И. Вебер, Ф.А. Пфейфер, А. Э. Гутман, А. И. Вебер; вице-директоры: С. Д. Габриель, А. И. Заруба.³ После начала войны состав дирекции изменился; так, из старых директоров остались только Вышнеградский, Шайкевич, Гутман и Габриель (ставший директором), — то есть четыре лица; остальные четыре члена дирекции выбыли,

¹ «Торгово-Промышлен. Газета», 1917 г., 8 января.

² «Весь Петербург», 1913 г.

³ «Весь Петербург», 1913 г. О Зарубе см. «Падение царского режима», т. I, стр. 10 — показание А. Н. Хвостова.

как германские подданные.¹ Но это, несомненно, не изменило характера банка, как основанного на совместной «работе» германского и русского капитала.

Как мы говорили, Международный банк, в целом, был крупнейшим акционером большинства главных металлургических (а также и ряда других) предприятий. Но, помимо этого, и отдельные акционеры банка состояли, вместе с тем, акционерами различных промышленных предприятий, в которых участвовал банк, — и это, конечно, чрезвычайно усиливало его влияние в этих акционерных обществах.

Это можно подтвердить рядом примеров. В правление Международного банка входили следующие лица: председатель С. С. Хрулев, члены: А. И. Вышнеградский, Е. Г. Шайкевич, Н. И. Филиппев, Я. И. Савич. Но А. И. Вышнеградский, например, был не только директором банка, но и председателем правления Общества Коломенского машиностроительного завода, председателем правления Общества железодельного, сталелитейного и механического завода «Сормово» и директором Никополь-мариупольского горного и металлургического общества (см. «Весь Петроград», 1915 г.). Возглавление всех этих предприятий директором Международного банка Вышнеградским объясняется, конечно, тем, что главным хозяином их был этот банк.

Если мы возьмем председателя правления банка Хрулева, то увидим, что это лицо состоит вместе с тем директором правления Тульского медно-прокатного и патронного завода (председателем правления этого Тульского завода состоит другой директор банка Е. Г. Шайкевич). Объяснение этой связи то же, конечно, как и в первом случае.

Но личность этого Шайкевича — лица весьма значительного в этой среде — заслуживает внимания и помимо этого. Этот директор Международного банка работал исключительно в тех предприятиях, которые были теснейшим образом связаны с германским капиталом.

Так, он состоял председателем «Русского Общества Всеобщей компании электричества», которое, как известно, является только филиальным отделением соответствующего германского треста. Вместе с тем Шайкевич состоял членом правления «Русских электротехнических заводов Сименс и Гальске» и «Общества электрического освещения 1886 г.», которые, как известно, также являлись филиальными отделениями германского треста «Сименс-Гальске» (см. также здесь, стр. 108). Помимо этого, Шайкевич был вице-председателем «Акционерного общества соединенных кабельных заводов», которое было организовано в России теми же германскими электрическими трестами. Вместе с тем Шайкевич состоял председателем правления общества «Тульского меднопрокатного и патронного заводов», которое, совместно с Соединенными кабельными заводами, входило в состав германского «синдиката потребителей меди» (см. А. Н. Зак, «Немцы и немецкие капиталы в русской промышленности», П. 1914 г. стр. 19). Таким образом, все те предприятия, в которых участвовал Шайкевич, «работали» при крупнейшем участии германского капитала.

¹ «Торгово-Промышленная Газета», 1915 г., № 74.

Родственные и финансовые связи соединяют этого Шайкевича с другим, П. Г. Шайкевичем. Он также участвует в различных предприятиях; так, он состоит кандидатом в директора общества «Сормово» (финансируемого Международным банком). Вместе с тем он является директором правления следующих предприятий: Общества Русских машиностроительных заводов Гартмана, Горско-Ивановского каменноугольного общества, Общества Кузнецких каменноугольных копей, Общества «Бахмутская соль» и Восточного общества товарных складов. Все эти предприятия финансируются также при участии Международного банка.

Из этого видно, что, и по именам заправил этих предприятий, все они связываются с Международным банком, и вместе с тем не только через этот банк, но часть и непосредственно — связаны с германским капиталом.

Можно, кстати, отметить, что на этом примере, характеризующем связь различных предприятий с банками, мы видим то самое явление, на которое обращает внимание В. И. Ленин, говоря о «новой роли банков»: указывая, как все более и более развивается «зависимость промышленного капиталиста от банка», В. И. Ленин отмечает, что вместе с этим «развивается, так сказать, личная уния банков с крупнейшими предприятиями промышленности и торговли, слияние тех и других посредством вступления директоров банков в члены наблюдательных советов (или правлений) торгово-промышленных предприятий, и обратно».

Приводя затем некоторые примеры из банковской практики Германии, В. И. Ленин говорит:

«Личная уния» банков с промышленностью дополняется «личной унией» тех и других обществ с правительством. «Места членов наблюдательных советов, — приводит Ленин свидетельство немецкого экономиста Эйделяса, — добровольно предоставляют лицам с громкими именами, а также бывшим чиновникам по государственной службе, которые могут доставить немало облегчений (!) при сношениях с властями».¹

Все это видим и на наших примерах: так, директор Международного банка Вышнеградский был «камергером высочайшего двора», а что касается «бывших чиновников», которые могут доставлять «облегчение», то русская практика достигла здесь высших европейских образцов: в тесной зависимости от банков и металлургических предприятий стоял ни какой-нибудь «бывший чиновник», а сам министр внутренних дел Протопопов —

¹ В. И. Ленин. «Империализм, как новейший этап капитализма», стр. 29. Об этом же явлении говорит Гильфердинг в «Финансовом капитале» (перевод И. Степанова, М. 1924 г., стр. 127 — 128).

один из заправил финансируемого банками «совета съездов» металлургов.

Из всего сказанного в настоящей главе можно сделать такие выводы:

Через Протопопова (рекомендованного Романовым Распутиным) правительственная власть непосредственно соединялась с руководящей группой промышленников-металлургов, организованных в «совете съездов».

Металлургическая промышленность стояла в тесной зависимости от банков, среди которых руководящую, в данном случае, роль играл Международный Коммерческий банк.

Этот последний банк был, в свою очередь, тесно связан с германским капиталом и даже являлся, в сущности, «обществом-дочерью» берлинского «Учетного Общества».

5.

В предыдущей главе мы старались определить тот банковский и промышленный центр, который через Протопопова, Распутину, Мануса и др. непосредственно связывался с царским «тронам». Теперь мы хотим привести ряд примеров, яснее определяющих политический характер этой связи.

Но, прежде чем говорить об этом, надо сказать несколько слов лично о Протопопове, который был призван теснее связать власть с буржуазными группами.

Протопопов был владельцем крупной суконной фабрики и организатором «текстильного комитета»,¹ через который шли различные поставки на армию. Являясь одним из типичных представителей той военной буржуазии, которая наживалась на этих поставках, Протопопов стал играть в Государственной Думе роль «представителя промышленности» и, в качестве влиятельного человека, был приглашен позднее металлургами-заводчиками к участию в их «совете съездов».

Назначение Протопопова министром (в сентябре 1916 г. было подготовлено при непосредственном участии Распутину и «тибетского врача» Бадмаева, связанного, подобно Протопопову, с влиятельной группой представителей металлургической промышленно-

¹ См. «Падение царского режима», т. I, стр. 114, показания Протопопова и письменные показания Беледкого; в последних указано, что Протопопов занимался военными подрядами при содействии главного интенданта (впоследствии военного министра) Шуваева.

сти. Отношение к ним Бадмаева объясняется тем, что «тибетский врач» как раз в это время задумывал организацию постройки некоторых железных дорог, между прочим, в только-что занятой русскими войсками Турецкой Армении. Бадмаев, совместно с Распутиным и Протопоповым, составлял тесно сплоченный «триумvirат», при чем сам «тибетский врач» был едва ли ни наиболее «государственным умом» в этой тройке. Он уже давно играл подзрительную «политическую» роль, и, в частности, именно ему принадлежит инициатива того ультиматума, который в 1894 г. предъявило царское правительство Японии, с целью отобрать плоды ее побед над Китаем, — этот же ультиматум, соответствовавший больше всего интересам Германии и вполне ею поддержанный, был, несомненно, одним из поводов для русско-японской войны.¹

Когда Протопопов, при непосредственном участии Бадмаева и Распутина, был назначен министром, то закулисная сторона «стокгольмского свидания» была ясна только немногим лицам из распутинской группы; широким же слоям буржуазии была известна твердая империалистская позиция Протопопова. Видя в нем своего человека, широкие слои торгово-промышленной буржуазии приветствовали «нового хозяина» внутренней политики. «Назначение Протопопова, — писало, например, «Русское Слово», — открыло окошечко, конечно, не к русской общественности, а к русской промышленности, и притом с самого правого угла. Если от бюрократии власть должна клониться к буржуазии, то, в лице Протопопова, — первый вынужденный кивок к ней... И, может быть, для русской буржуазии не праздным занятием будет готовить дальнейших кандидатов для власти».²

Стараясь оправдать доверие буржуазии, Протопопов, в свою очередь, стал выдвигать мысль о необходимости теснейшего контакта правительства с промышленностью и банками. «Не могу я, — говорил он тогда, — плыть по паркету, я должен в воду броситься, чтобы плыть; я хочу броситься в эту воду деловую, прямо окунусь на бирже, и сразу войду в курс дела».³

Протопопов и действительно очень близко связался с руководящей банковской группой. Однако, [по мере того, как стала определяться ультрареакционная его позиция, соединенная

¹ «За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева». Л., 1925 г., статья В. Семёникова «Тибетский врач и русская монархия», стр. XXV—XXVII.

² «Русское Слово», № 7, 21 сентября 1916 г., статья П. Жилкина.

³ Показания в Следств. комиссии Челюкова.

с тяготением к сепаратному миру, отношение широких слоев буржуазии к новому, «своему», министру резко изменилось, и, в результате, Протопопов был признан «сумасшедшим». Мы не будем, конечно, рассматривать вопрос, было это в действительности, или нет (ведь, некоторая доля психической поврежденности вообще была необходима для служения Романовым), — мы отметим лишь, что, быть может, и в «сумасшествии» Протопопова был известный социальный мотив. Дело в том, что Протопопов от участия в текстильной промышленности перешел в «совет съездов» промышленности металлообработки, а политические позиции представителей этих двух главных групп промышленности были различны: первая была относительно «либеральна», но вместе с тем проявляла сильные империалистские настроения; вторая была реакционнее, но, как есть основания думать, была более склонна к «пацифистским» тенденциям.¹

Попав в руководящий орган металлургов, Протопопов, естественно, должен был служить им не за страх, а за совесть, — и что взятая Протопоповым политическая линия, в общем, соответствовала интересам этой промышленной группы, видно, между прочим, из того, что «совет съездов» не расстался с Протопоповым вплоть до революции. Таким образом, переход Протопопова от «октябризма» и «прогрессивного блока» к крайней реакционности, быть может, объясняется не «сумасшествием», а просто тем, что он, войдя в другую промышленную группу, должен был «приспособить» к ее интересам и свои «политические убеждения».

Но отвлекаясь от личности Протопопова, мы покажем теперь на нескольких характерных примерах проявления того политического «контакта», который, при посредстве Распутина, Штюрмера, Протопопова, стал намечаться у правительства с банками и некоторыми группами промышленности.

В этом отношении заслуживают, прежде всего, внимания факты, касающиеся происходившей летом 1916 г. подготовки выборов в V Государственную Думу.

В июле 1916 г. министерство Штюрмера решило приступить к разработке вопросов об этих выборах (срок полномочия IV Думы истек в ноябре 1917 г.) — и, вот, в каком составе мыслилась фабрикация этой новой Думы: предполагалось пропустить в нее 80 крестьян, 80 священников, до 50 мест предоставить инород-

¹ См. здесь последний очерк: «От Антанты — к Германии».

цам, от 50—70 мест банкам и остальные (около 200 мест) предоставить интеллигенции.

Опора на попов, основанная на практике выборной кампании в IV Думу, вполне понятна: служители церкви составляли самую надежную опору правительства; понятно и желание иметь для «декорации» в Думе до 80 крестьян, соответствующим образом обработанных; октябристская и кадетская «интеллигенция» также являлась необходимым элементом в Думе. Но откуда появилось стремление провести в Думу до 70 представителей банков? Оказывается, правительство вошло в контакт с «представителями некоторых банков», которые, «по соглашению с правительством», предложили израсходовать 2 миллиона рублей на предвыборную агитацию, рассчитывая получить за это от 50 до 70 мест в Думе. «Предложение это, — говорится в составленной по этому поводу в министерстве внутренних дел записке, — представлялось бы приемлемым, при условии, чтобы в программу партии банков не включались аграрные и прочие острые социальные вопросы». ¹

Ясно, конечно, что эта последняя оговорка носила только формальный характер и, вероятно, была сделана для тех членов правительства, которые, зная таких опасных представителей буржуазии, как Гучков, или Рябушинский, могли бы подумать, что и данная промышленная группа способна на такой «либерализм».

Этот проект, как мы отметили, возник в июле 1916 г. Протопопов тогда еще не стоял у власти, но в письменных его показаниях в Следственной комиссии Временного правительства сообщаются также некоторые данные об этом плане. Оказывается, инициатива его возникла в кружке Бадмаева, где постоянно бывали Распутин, Курлов и Протопопов.

«Все высказывались, — пишет Протопопов, — за необходимость достигнуть выбора возможно более благонадежного (консервативного) большинства Гос. Думы. Я находил, что в Государственной Думе и Совете почти нет представителей торговли, промышленности и банков, что этот класс должен готовиться к предстоящим выборам и провести в законодательные учреждения человек 50—80 своих представителей; для этой цели я предполагал возможным устроить «центральное выборное бюро» в Петрограде, которое могло бы вести переговоры и заключить соглашение с правительством». ²

¹ Подробнее см. «Монархия перед крушением».

² Письменные показания Протопопова в Следств. комиссии.

Что касается той суммы, которая, как мы видели, могла быть ассигнована на это банками, то, по мнению Протопопова, она должна была бы идти на печать, агитацию, разъезды агентов, устройство собраний, покупку дензов и, «может-быть, подкуп голосов».

Но нужно было избрать опорные пункты для проведения этой кампании, и, вот, по словам Протопопова, «опорными выборными ячейками служили бы отделения частных банков в провинции — их число, помнится, около 1 200;¹ их сила — частный кредит и учетная вексельная операция».

На этом примере мы, таким образом, ясно видим, в какие отношения к распутинскому правительству становились банки.

Возьмем еще один характеризующий это пример, касающийся также довольно крупного вопроса — вопроса продовольственного, который к 1916 г. достиг уже чрезвычайной обостренности. Глава власти, Распутин, зная серьезное значение этого вопроса, предвидел, что уже на этой продовольственной почве можно ожидать серьезных народных волнений.² Правительство составляло различные проекты, чтобы бороться с продовольственной разрухой, но все эти проекты были мертворожденными, а частичные мелкие мероприятия не улучшали, конечно, положения, да и не могли его улучшить уже потому, что продовольственная разруха была лишь одним из проявлений того общего кризиса всей хозяйственной системы, который все более и более назревал с самого начала войны.

Продовольственное дело находилось в министерстве земледелия, но, когда министром внутренних дел был назначен Протопопов, то в руки этого ставленника Распутина было предположено передать и снабжение России продовольствием. На этом, как видно из писем А. Ф. Романовой к Николаю, очень настаивал сам Распутин, предполагавший, очевидно, хорошо поживиться на этом деле при ближайшей помощи «тибетского врача» Бадмаева, который даже выступил с особым проектом о снабжении всей России продовольствием.³

Протопопов, в связи с этим, решил привлечь на помощь банки. На созванном по этому поводу совещании Протопопов просил представителей банков помочь этому делу, и хотя они

¹ На съезде банков, о котором мы выше говорили, количество этих отделений было определено в 832.

² Об этом Распутин, как это видно из переписки Романовых, неоднократно их предупреждал.

³ «За кулисами царизма. Архив Бадмаева», стр. XV — XVI.

сразу не дали определенного ответа, но Протопопов, по его словам, увидел, что «дело их интересует».¹

Однако, позднее Протопопов, испугавшись Госуд. Думы, стал сомневаться в возможности перенести это дело без осложнений в свое министерство. Это вызвало крайнее неудовольствие Распутина: «Наш Друг, — писала А. Ф. Романова Николаю 1 ноября 1916 г., — был страшно сердит на Протопопова, который из трусости не хочет, чтобы было объявлено о переходе продовольствия в его руки — из-за Думы; и Друг наш сказал ему (т.-е. Протопопову), что он мог бы объяснить, что он его (т.-е. продовольственное дело) взял и что надеется приблизительно в неделю все устроить, как следует».²

Мы не будем подробно рассматривать сущность этого проекта Протопопова, хотя последний и обладал, по мнению Распутина, такую магическою силою, что всю продовольственную разруху уничтожил бы в одну неделю; скажем только, что в основу организации дела было, по проекту Протопопова, намечено привлечение к делу банков, а прием, хранение и отправку хлеба и продуктов предположено поручить земствам под надзором губернаторов.

Отметим, что, обосновывая свой проект, Протопопов выставил в защиту его, между прочим, такие соображения:

«Я хотел, — пишет Протопопов, — передать продовольственное дело в губернии еще и потому, что эта серьезная работа отвлекла бы земских деятелей от политики. Я был противником объединения земств в союз, находя, что земский союз и союз городов захватили слишком много власти, оставив правительству второстепенную роль, и ведут агитацию, направленную против правительства. Министерство земледелия не препятствовало земствам, которым оно поручало продовольственное дело, входить в земский союз. В таких земствах служащие по найму тоже были из оппозиционно настроенных людей. Продовольственные местные комитеты, в состав которых вошли оппозиционные элементы, могли начать агитацию в деревне. Таким образом,

¹ На совещании были представители Международного банка (Е. Г. Шайкевич, Г. А. Блох, К. И. Савич), Русско-Азиатского банка (А. И. Путилов), Азовско-Донского (Б. А. Каменка), Русского Торгово-Промышленного (А. В. Коншин). Один из директоров Международного банка, Савич, составил даже особую записку по этому вопросу (письменное показание Протопопова, от 24 августа 1917 г.).

² «Письма А. Ф.», т. II, стр. 225.

организация продовольственного дела министерства земледелия в губерниях, вошедших в союз земств, сливалась с организацией союза. По желанию распорядителей союза или по собственному почину, мелкие служащие на местах (приказчики, крючники, подрядчики извоза, весовщики на железных дорогах и пр.) могли забастовать. Тогда министерство земледелия было бы поставлено в невозможность снабдить армию и население продовольствием; произошли бы беспорядки, за которыми последовала бы, может-быть, перемена строя, но, наверное, перемена правительства и исполнение требований оппозиции — назначение нового состава правительства из лиц, пользующихся общественным доверием».¹

Таким образом, мы видим, что план Протопопова имел и политическое значение: оно заключалось в том, чтобы, подкупив земства широким привлечением их к продовольственному делу, постараться парализовать этим их оппозиционное настроение.

На этом примере выступает снова и социальное разграничение: с одной стороны — правительство и представители банкового и связанного с ним «финансового» капитала, с другой — оппозиционная буржуазия и прогрессивная часть помещичьего класса («союзы» земств и городов и т. д.).

Естественно, что банки и металлургисты, стремясь наладить политический контакт с правительством, выставили вместе с тем и такую экономическую программу, которая соответствовала бы интересам этих банковских и промышленных групп. Эта программа была высказана от имени С. С. Хрулева (председателя правления Международного банка) в изданной им еще в январе 1916 г. книжке «Финансы России и ее промышленность».²

Основная мысль, которую «горячо рекомендует» здесь этот директор банка, это — «поднять таможенные пошлины». Но, кроме этого, нужен еще целый ряд мероприятий, на которые автор и указывает. Отметим только главное.

Прежде всего, Хрулев рекомендует установить план усовершенствования существующих железных дорог, как казенных, так и частных; железнодорожным вопросам Хрулев посвящает целых четыре пункта своей программы, указывая особенно на необходимость выяснения вопроса о постройке новых железнодорожных путей.

¹ Письменные показания Протопопова, 24 августа 1917 г.

² Петроград, 1916 г.; под предисловием дата: 4 января 1916 г.

В дальнейшем идут пункты: о водных путях, вольных гаванях, о развитии золотопромышленности, о тарифах, о нормальных уставах для акционерных обществ и проч.

Директор Международного банка, написавший эту книгу, весьма скептически отзывается о возможности провести эти меры путем какой-либо «межведомственной комиссии». Эти комиссии, по нелипенному остроумию замечанию Хрулева, «у нас выдумали только по зависти к похоронным бюро,—для того, чтоб показать, что мы умеем всякую мысль, всякое предложение похоронить помпезно, по первому разряду».¹ Автор, тем не менее, предлагал все-таки учредить какую-то особую комиссию под председательством лица «по высочайшему назначению». Но, видимо, и этот «высочайший» путь не помогал — плана железных дорог не вырабатывали. Что оставалось делать Международному банку и металлургистам? Только одно: обратиться к Распутину; это и было, как мы видели,² сделано через Мануса и Путилова. В результате, в апреле, через три месяца после опубликования Хрулевым пожеланий Международного банка, вопрос о постройке железных дорог и выпуске на это займа встал в поле зрения А. Ф. Романовой, а еще через два месяца министр путей сообщения Трепов разработал уже соответствующий план железнодорожного строительства.

Все то, что мы говорили до сих пор, вскрывает некоторые проявления того контакта, который стал создаваться между распутинской властью и группами русских банков. Но эти факты касаются только внутренней политики и экономической жизни страны. Однако, «контакт» стал намечаться и в области политики внешней, непосредственно связанной с вопросами войны и мира. У распутинской власти был контакт с некоторыми русскими банками, а у этих последних с банками германскими. На этой именно почве состоялось, как мы видели, и «стокгольмское свидание» Протопопова с Варбургом по вопросу о сепаратном мире. Эта попытка может получить теперь несколько более углубленное освещение.

Свидание Протопопова с Варбургом состоялось в начале июля 1916 г., через четыре месяца после состоявшегося в Петрограде съезда металлургистов, председателем которого был Протопопов. А незадолго до этого в том же Стокгольме у германского

¹ «Финансы России и ее промышленность», стр. 140.

² См. стр. 131 — 134.

посланника Люциуса (который фигурировал и в «стокгольмской встрече» Протопопова) произошло свидание германского промышленника Стиннеса с японским посланником. Целью свидания была постановка вопроса о желательности сепаратного мира Германии с Японией и Россией. Имя Стиннеса — слишком громкое имя; был ли это сам создатель крупнейших германских трестов и «король металлургии», или один из уполномоченных им членов его «династии» — это уже не так важно; самое имя Стиннеса указывает на чрезвычайное значение его попытки нащупать почву для мира.¹

Итак, Стиннес заговорил о необходимости мира. Об этом сообщает в своих мемуарах германский министр финансов Эрцбергер. Вот его слова:

«В конце марта 1916 г. немецкий промышленник Стиннес просил японского посла в Стокгольме о беседе, которая имела место в присутствии посла Ф.-Люциуса. Как мне передавали, немецкий посол заявил своему японскому коллеге, что, по его мнению, пришел момент для заключения мира между Германией и Японией и что русское правительство настроено в пользу мира. Японский посол возразил, что Японии не нужен скороспелый мир, и что сепаратный мир для его страны невозможен; германский посол ответил, что, если никто не возьмет на себя инициативы для начала мирных переговоров, то вообще нет никакой возможности заключить мир; представляется уместным, чтобы Япония, Россия и Германия обменялись мыслями с этой целью в полуофициальной, но конфиденциальной форме. Тогда японский дипломат выразил согласие сообщить содержание беседы своему правительству в Токио. Стиннес предложил, чтобы влиятельные представители России, Японии и Германии встретились в Стокгольме для обмена мнений об условиях мира;² тогда можно будет взаимно согласовать требования союзников и подготовить почву для переговоров между воюющими сторонами. Японский посол не думал, чтобы его правительство посоветовало бы России послать таких представителей, и уверял, что он не осведомлен об японских условиях

¹ Надо, кстати, заметить, что Стиннес развивал свою деятельность и в России: существовало, исключительно на германские капиталы, «Русское акционерное общество механических плавучих приспособлений для перемещения и выгрузки массовых грузов Гуго Стиннес» (правление в Петербурге).

² Подчеркнуто нами.

мира. Высказанная Стиннесом просьба о сохранении секрета не помешала тому, что русское посольство было тотчас же осведомлено обо всем». ¹

Для нас это сообщение Эрцбергера интересно тем, что оно дает возможность сопоставить «стокгольмское свидание» Протопопова с предложением, сделанным Стиннесом. Действительно — в конце марта 1916 г. Стиннес возбуждал вопрос о желательности встречи русских, японских и германских представителей, а уже в середине апреля состоялось второе свидание германского и японского посланников в Стокгольме для обсуждения вопроса о мире; ² в июле же Протопопов имел, и именно здесь, в Стокгольме, беседу на эту тему с представителем германского посольства.

Отсюда видно, что план Стиннеса, хотя и в измененной форме, ³ был осуществлен. «Стокгольмское свидание» председателя съезда представителей русской металлургической промышленности Протопопова может быть поставлено в прямую связь с предложением, сделанным одним из столпов германской металлургии Стиннесом.

Таким образом, помимо официальных глав государств, представители металлургической промышленности России и Германии начинали готовить почву для заключения мира.

Романовы, учтя значение этой попытки, поспешили назначить Протопопова министром, подтвердив таким образом, что они и в этом случае шли на поводу у руководящей банковской группы. Эта же группа, как видим, отвечала в данном случае только на вызов германских империалистов (Стиннес).

По связи с этим последним вопросом об отношении к русскому банковскому центру германского капитала мы можем привести здесь любопытную выдержку из письма английского короля Георга к Николаю II. Английских империалистов очень тревожили те «падифистские» настроения, которые стали замечаться в правящей русской клике. Об этом английский король писал Николаю в августе 1916 г.

¹ Эрцбергер. «Германия и Антанта». Гос. Изд-ство. 1923 г., стр. 201 — 202.

² Об этом в т о р о м свидании упоминает тот же Эрцбергер — дитиров. мемуары, стр. 202.

³ Стиннес предлагал с о в м е с т н ы е переговоры германского, русского и японского представителей, но на практике вышло, что два последних имели отдельные переговоры с представителем германского посольства.

Николай II в ответном письме своем к Георгу, от 29 августа 1916 г., в связи с указанием последнего, что германские агенты пытаются посеять рознь между правительствами России и Англии, заявляя, что чувство «глубокой дружбы» к Англии все более и более укрепляется среди русского народа. Но к этому Николай прибавлял:

«Конечно, имеются отдельные лица, не разделяющие этого взгляда, но я постараюсь справиться с ними. Я считаю более серьезным явлением, требующим борьбы с ним, — продолжал Николай, — влияние некоторых банков, бывших до войны в германских руках, и влияние которых сильно, но невидимо чувствуется, в особенности в медленном исполнении заказов на изготовление военных материалов, аммуниции и проч.

«Я неоднократно, — прибавляет Николай, — обращал внимание моего правительства на этот факт. Я надеюсь, что г. Барк справится с этим затруднением».¹

Так заверял Николай II английского короля. Но Николай, видимо, и сам не сознавал, что те «отдельные лица», которые не разделяли «глубокой дружбы» к Англии, были сильнее его, Николая, и «справиться» с ними он, конечно, не мог; эти лица были, прежде всего, жена Николая, Александра Федоровна, и сам Распутин.²

Что касается влияния банков, которые были до войны в германских руках (и, конечно, не порвали своих связей с Германией и во время войны), то эти банки, как было показано, играли заметную роль во всей распутинской системе, и мы считаем, что экономическая связь русских и германских банков была одной из причин того тяготения к сепаратному миру, которое усматривается в царской политике накануне революции.

Говоря о «банках и Распутине», мы старались, в связи с этим, наметить и тот банковский центр, который играл руководящую роль в экономической системе русской монархии накануне ее падения. На ряде примеров мы показали, как, через Распутина, этот банковский центр и отдельные, прикосновенные к нему, дельцы непосредственно связывались с Романовыми. Мы полагаем, что роль Распутина, как посредника между банковскими дельцами и Романовыми, выявилась при этом достаточно выразительно: такую роль играл Распутин и «распутинцы»

¹ Полный текст в сборнике «Монархия перед крушением».

² См., например, здесь, стр. 58 — 59.

и при назначении министров, и при их смене, и при организации «стокгольмского свидания», и при проведении займа. Настоящее правительство России составляли, таким образом, такие лица, как Манус, Рубинштейн, Путилов и другие крупнейшие банковские дельцы. Агентами этих лиц, по воздействию на правительственную политику, были Распутин и А. Ф. Романова. Что же касается самого Николая и официального правительства — всех этих Штюрмеров, Добровольских, Шаховских, — то они являлись простыми исполнителями воли того верховного банковского правительства, которое определяло общую правительственную политику.

Надо отметить при этом, что распутинская власть не без основания избрала именно банки своими «опорными ячейками». Ту же роль опорных пунктов, какую должны были играть теперь банковские отделения в России, они уже давно выполняли в других, более капиталистически развитых государствах. На экономическое значение такой «банковской сети» обращает внимание В. И. Ленин в своей, не раз уже нами цитированной, работе «Империализм, как новейший этап капитализма». Приводя примеры относительно Германии, Ленин пишет: «Мы видим, как быстро вырастает густая сеть каналов, охватывающих всю страну, централизующих все капиталы и денежные доходы, превращающих тысячи раздробленных хозяйств в единое общенациональное капиталистическое, а затем и «всемирнокапиталистическое хозяйство».¹ Эта фраза дает свой смысл и тем небольшим примерам, которые нами здесь приведены.

Но в России, по словам Ленина, которые мы берем из другого места той же книги, «новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических».² И эти слова справедливы не только в области экономики, но и в связанной с нею области политики. Так, например, у власти в России стоит, хотя и неофициально, Распутин, тесно связанный с банками; так и полагается быть правителю государства в капиталистической стране. Но кто такой этот Распутин? «Странник», «божий человек», привлечший к себе официальную власть какими-то мистическими чарами. Так, новейший этап капитализма уживался в России со средневековьем.

¹ В. И. Ленин. «Империализм, как новейший этап капитализма», стр. 22.

² Там же, стр. 65.